

1725 год и опыт мемориальных изданий в Российской империи

Андрей Прокопьев

1725 and the experience of commemorative editions in the Russian Empire

*Andrei Prokopiev (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia;
a.prokopiev@spbu.ru)*

В марте 1725 г. в молодом Петербурге свершилось событие, доселе по своим масштабам невиданное в России. В последний путь отправился Пётр Великий, основатель империи и новой столицы. Путь этот был обставлен церемониалом, который мог показаться любому православному граничащим с отрицанием всех незыблемых постулатов. Поражали все части траурных торжеств. И обустройство «печальной залы» в верхних палатах нового Зимнего дворца, и структура похоронной процессии, и демонстрация самого покойного, включая «эффигии», и, наконец, церемония прощания в тогда ещё недостроенной крепостной соборной церкви – всё совокупно указывало на нечто принципиально новое, привнесённое эпохой. Наконец, на смерть первого императора появились разнообразные фунералии, в том числе в виде печатных изданий, никогда прежде не практиковавшихся при русском дворе.

Автором придворного сценария был знаток артиллерии и всевозможных технических новшеств знаменитый Яков Брюс. Вместе с чином обер-маршала Погребальной комиссии ему отошли функции главного распорядителя и режиссёра печального спектакля. Все остальные, включая заместителя Брюса генерала Г.И. Бона, выступали скорее помощниками, нежели инициативными советниками в столь ответственном деле. Среди них находились и представители русского духовенства, в том числе архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович). Удивительная пестрота конфессиональной принадлежности членов комиссии гармонировала с энергичной и быстрой работой. Разумеется, у предстоящего действия были предтечи: сам император мог наблюдать своего рода генеральную репетицию собственных похорон за два года до кончины, когда в мир иной отошла вдовствующая царица Прасковья Фёдоровна. Тогда в её невском дворце была сооружена «печальная зала» и состоялась погребальная процессия с необычно длинным маршрутом – пришлось идти свыше пяти километров до Александрово-Невской лавры. Иностранцы наблюдатели, прежде всего немецкие (камер-юнкер Ф.В. Берхгольц), оставили подробное описание этого печального действия¹, распорядителем которого считался сам государь. Но и раньше при погребении высоких чинов, очевидно начиная с генерала П. Гордона и Ф. Лефорта в 1699 г. мы видим неизменное желание Петра отойти от былых московских православных традиций. Сам по себе вопрос развития нового погребального церемониала сегодня уже не

© 2017 г. А.Ю. Прокопьев

Статья написана при поддержке РГНФ, проект 15-31-01009 а1.

¹См.: *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 гг. М., 2000. С. 161.

может считаться *terra incognita* в отечественной историографии², но хотелось бы сместить его в область проблематики европейского влияния.

Конечно, нужно указать на общие тенденции эпохи барокко, что собственно и отмечается большинством исследователей. Но барокко, как и Ренессанс в целом, никогда не являло однообразную закономерность, складывалось из множества матриц, в том числе конфессиональных. Не останавливаясь подробно на самом церемониале, отметим лишь доминанту, на мой взгляд, протестантского, точнее, лютеранского стандарта, принятого в немецких землях и у скандинавских монархов – поборников Реформации и евангелической веры.

Церемония «траурных торжеств» к началу XVIII в. уже прошла длинный путь в Европе. Архетип, который адаптировался в царствование Петра, судя по структуре погребальной процессии и обустройству «печальной залы», восходил к практике протестантских княжеских и королевских дворов Скандинавии и Священной римской империи. Главные её отличия от католической версии вытекали из догматических предпосылок, заключались в упразднении посреднической функции клира в ритуале «перехода» и наглядно отражались в организации прежде всего погребального шествия. Первоначально весьма скромные варианты похорон сильных мира сего в XVII в. сравнивались по пышности и величелию с католической традицией. Подготовка к помпезным проходам, вполне нормированным сословным обществом, с точки зрения лютеранского богословия, ничего не меняла в ключевом аспекте – в христоцентричной ипостаси последнего часа³. И сроки погребения, и экспликация самого покойного, и убранство храмов-усыпальниц как «печальной залы» в резиденции – всё постепенно сближалось с католической версией⁴. Принципиальная разница сохранялась лишь в духовной половине и структуре траурной процессии. На проходы, в отличие от католической церкви, смотрели не как на буквальное воплощение «перехода» при непрерывном участии клира, а как на повод к дидактике, формированию достойного образа почившего властителя в памяти подданных⁵.

² Подробнее об этом см.: *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М., 2011; *Гендриков В.В.* Траурные церемонии в Петропавловском соборе // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 1994. С. 306–316; *Гендриков В.В., Пиратинская Д.Л.* Праздники и церемонии Петропавловской крепости // Петропавловская крепость: Страницы истории. СПб., 2001. С. 389–396; *Азеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга. Международная научная конференция 27–30 ноября 2000 г. Всероссийский музей им. А.С. Пушкина. СПб., 2001; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002.

³ Формирование и особенности протестантского погребального церемониала Раннего Нового времени в целом см.: *Koslofsky C.* The Reformation of the Dead. Death and Ritual in early modern Germany, 1450–1700. L., 2000. В отношении знати см.: *Baresel-Brand A.* Grabdenkmäler norddeutscher Fürstenthäuser im Zeitalter der Renaissance 1550–1650. Kiel, 2007; *Meyes O.* Memoria und Bekenntnis – Grabdenkmäler evangelischer Landesherren im Heiligen Römischen Reich der deutschen Nation im Zeitalter der Konfessionalisierung. Regensburg, 2009; *Brinkmann I.* Grabdenkmäler, Grablegen und Begräbniswesen des lutherischen Adels. Adelige Funeralrepräsentation im Spannungsfeld von Kontinuität und Wandel im 16. und beginnenden 17. Jahrhundert. Berlin; München, 2015. S. 47–78; *Прокопьев А.Ю.* «Zur letzten Ehre». Погребальная обрядность протестантских дворов Германии в Раннее Новое время // Университетский историк: Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 85–112.

⁴ *Прокопьев А.Ю.* «Zur letzten Ehre»... С. 104–105. Особенности траурной обрядности на стыке XVI–XVII в. см.: *Seeliger-Zeiss A.* Grabmal und Bestattung in evangelischen Fürstenthäusern um 1600 – Beispiele von Mitgliedern der Union // Union und Liga 1608/1609. Konfessionelle Bündnisse im Reich – Weichenstellung zum Religionskrieg? / Hrsg. von A. Ernst und A. Schindling. Stuttgart, 2010. S. 263–283.

⁵ Важнейшим тезисом, прямо влиявшим на структуру траурных торжеств у протестантов, было отрицание М. Лютером и ещё более резко Ж. Кальвином учения о чистилище. Согласно католической догме, в окончательной форме утверждённой решениями второго Лионского собора (1274), душа человека по смерти должна оказаться в чистилище, дабы избавиться от наиболее

Сходство с чином погребения, принятым при католических дворах Европы, проглядывало лишь в некоторых элементах петербургского церемониала 1725 г. Хоронили императора, а до 1722 г. в христианской Европе был лишь один подобный чин — император Священной римской империи. Казалось бы, определённые формы могли быть признаны заимствованными именно из имперской традиции Габсбургов. Вспоминают, в частности, погребение в 1558—1559 гг. Карла V с пышными *potra funebris*, будто бы предопределившими дальнейшую эволюцию обрядности при разных дворах Европы⁶. Но как показывают новые исследования, эта церемония содержала элементы, давно уже бывшие в ходу в германском ареале. Они касались главным образом статуса покойного и были с энтузиазмом восприняты позже протестантскими властителями как конфессионально нейтральные символы. Что же касается собственно венского церемониала начала XVIII в., то, резко контрастируя с петербургской моделью, он акцентировал траурную архитектуру храмов-усыпальниц, оставляя саму процессию менее значимой⁷.

Брюс между тем превратил именно процессию в самую помпезную часть печального спектакля. Конечно, пытались подчеркнуть и соответствующий декор Кавалерского зала, где проходило прощание с бранными останками. Его главным строителем в меру сил и скромного таланта был небезызвестный Н. Пино,

---

тяжких грехов, прежде чем предстать на Страшном суде перед Христом. Этим предопределялось требование обязательного исповедания и последней абсолюции перед смертью, а также усиленные молитвенные бдения и обильные жертвования на помин души во время погребения и после, способные, по мнению Церкви, помочь покойному. Реформаторы считали догмат о чистилище извращением веры, глумлением над Христом. С их точки зрения, в минуту брэнной смерти душа напрямую отправляется к Христу в ожидании Судного дня и никакие обряды живых не способны изменить её участи: воздастся лишь по вере умершего и по воле Господа. Соответственно, не только устранялся сам обряд исповедания и абсолюции, но и менялась вся идейная нагрузка последних проводов. Похоронная процессия становилась не актом помощи душе покойного во главе с клиром, а лишь напоминанием всей общине о добропорядочной жизни умершего, выражением своего рода коллективной памяти с дидактическими функциями утешения во Христе и веры в неизбежное воскресение праведника. Отсюда превращение процессии в многолюдное шествие, в центральное звено всего погребального ритуала, символически самый значимый элемент. Вместе с тем разрушалось и представление о незримом единстве живых и мёртвых: последние всецело перемещались в область памяти и надежды. См. об этом: *Babendererde C. Sterben, Tod, Begräbnis und liturgisches Gedächtnis bei weltlichen Reichsfürsten des Spätmittelalters*. Ostfildern, 2006. S. 35; *Fischer N. Geschichte des Todes in der Neuzeit*. Erfurt, 2001. S. 9; *Brinkmann I.* Op. cit. S. 50—57.

⁶ См.: *Ракова А.Л.* Придворный праздник как политика и искусство // Праздник — любимая игрушка государей. Торжества и празднества в европейской гравюре XVI—XVIII столетий из собрания Эрмитажа: Каталог выставки / Под ред. А.Л. Раковой. СПб., 2004. С. 14. О католическом влиянии при оформлении «печальной залы» в Зимнем дворце усилиями Н. Пино см.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 166. Ср.: *Проконьев А.Ю.* Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции, декабрь 2006. СПб., 2007. С. 99—100.

⁷ Общую картину венского траурного церемониала в начале XVIII в. см.: *Hawlik van de Water M.* Der schöne Tod. Zeremonialstruktur des Wiener Hofes bei Tod und Begräbnis zwischen 1640 und 1740. Wien; Freiburg; Basel, 1989. О доминировании траурной архитектуры над процессией см.: *Brix M.* Trauergerüste für die Habsburger in Wien // *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 1973. Bd. 26. S. 209. Схема погребального шествия и особая роль клира хорошо представлены в описаниях современников, например, при изображении погребения Иосифа I у И.Х. Люнига (см.: *Lünig J. Chr.* Theatrum Ceremoniale historico-politicum. T. II. Leipzig, 1720. S. 69). Мёртвый Пётр возлежал в деревянном гробу в «печальной зале» в гвардейском мундире, в сапогах со шпорами, что полностью соответствовало германо-скандинавскому протестантскому архетипу защитника и распространителя истинной Веры (св. Евангелия), лично преданного Христу. Единственное отличие заключалось в отсутствии головного убора. Ср.: *Проконьев А.Ю.* Погребение Петра Великого... С. 91.

который сделал всё что мог в пределах ограниченного пространства. Были и попытки надлежащим образом выполнить траурное убранство недостроенного собора, хотя многие детали остаются неясными. Но все эти части явно приносились в жертву самому шествию.

Может показаться справедливым указание на недостаточную представительность первого и конечного пунктов движения — «печальной залы» в Зимнем дворце и убогой деревянной часовни в недостроенном соборе. Очевидно, у Брюса не было альтернативы, кроме как затмить пышностью самой процессии вынужденную блёклость погребальной архитектуры. Однако во всех предшествовавших случаях сам император на первое место с неизменным постоянством ставил именно процессию. И это она собирала элементы, типичные для Протестантского Севера.

Сама же траурная архитектура в Европе на рубеже XVII—XVIII вв. постепенно утрачивала специфические черты, становилась конфессионально нейтральной, с обязательным набором элементов, отражавших статус покойного. Провозглашалась своеобразная антропоцентрика власти, которую часто путают с «программным абсолютизмом». Обилие солярной символики, многочисленные мотивы анимации покойного величия, изгнания смерти, наконец, самое удивительное для русского человека тех лет — появление «эффигий» как симуляции образа покойного и в «печальной зале» (портреты), и в процессии (всадник «радости»), и в виде подвижной восковой «персоны» после торжеств, — все эти элементы давно уже были в ходу в протестантских и католических землях⁸. Дальнейшие рассуждения в данном направлении представляются нам малопродуктивными, так как дробление единой панорамы мартовских похорон 1725 г. на микрочастицы едва ли позволит лучше увидеть общую тенденцию.

Однако если исходный и конечный пункты процессии, с точки зрения экспозиции, выглядели в целом типичными для обоих религиозных полюсов Европы, то сама процессия, несомненно, дублировала протестантский вариант. Сравнительный анализ позволяет выявить в качестве первоосновы дрезденскую и берлинскую модели конца XVII — начала XVIII в. В последнем случае речь идёт о своеобразной комбинации элементов траурной процессии 1688 и 1713 гг.⁹

И ещё один важный аспект — впервые в необычном ракурсе была представлена функция слова. В зимне-весенние месяцы 1725 г. оно было явлено в трёх ипостасях:

---

⁸ *Прокопьев А.Ю.* Погребение Петра Великого... С. 89, 96–97. Католическая традиция на примере баварских Виттельсбахов: *Czerny H.* Der Tod der bayerischen Herzöge im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit 1347–1579. Vorbereitungen – Sterben – Trauerfeierlichkeiten – Grablegen – Memoria. München, 2005.

⁹ Структура шествия до и после гроба, локация конных «эффигий», число людей в отдельных частях процессии, и, наконец, количество залпов траурного салюта соответствовали с почти математической точностью погребальному шествию Фридриха Вильгельма Великого в Берлине (1688) и первого короля Пруссии (1713). Брюс хорошо знал траурный церемониал берлинских Гогенцоллернов. В его личной библиотеке имелись фунералии 1688 г. Сам он был по служебной надобности в Берлине в 1713 г. и, без сомнения, знакомился с порядком проводов Фридриха I. Подробнее об этом см.: *Прокопьев А.Ю.* Погребение Петра Великого... С. 88–90. Детальное исследование берлинского церемониала 1688 и 1713 гг. см.: *Brüggemann L.* Herrschaft und Tod in der Frühen Neuzeit: Das Sterbe- und Begräbniszeremoniell preußischer Herrscher vom Großer Kurfürsten bis zu Friedrich Wilhelm II (1688–1797). München, 2015. S. 53–177. Возможное объяснение рецепции берлинских погребений следует искать прежде всего в фигуре самого курфюрста: как и Пётр, Фридрих Вильгельм обучался в Голландии, воевал и побеждал шведов, заботился о флоте и открыл свои владения талантливым эмигрантам и единоверцам. Символическая гамма его достоинств была созвучна петровским.

устное в виде молитвы, читаемой сообразно требам у изголовья покойного в «печальной зале» и на парадном ложе; озвученное в конце торжеств устами архиепископа Новгородского; печатное в виде опубликованных тогда же текстов. Для европейской традиции в этом не было ничего удивительного. Слово всегда сопровождало траурные церемонии христианской Европы. До Реформации оно регламентировалось принятой церковной обрядностью, затем после радикального перетолкования давно сложившегося порядка было узаконено лишь как ветхо- и новозаветное, Христово, апостольское и привязано к погребальной проповеди, заменившей обряд исповедания, последней абсолюции (отпущение грехов) и миропомазания. Для М. Лютера была важна именно проповедь, слово Всевышнего. Главное, что следует вершить при кончине христианина, — не только печаловаться об ушедшем, но и хвалить его добропорядочную жизнь, утешать сродников и общину надеждой на скорое и радостное Воскресение — в духе догматической апокалиптики¹⁰.

Со временем проповедь усложнилась и обрела более чёткую структуру, а с конца XVI в. самостоятельное место в ней заняла биография покойного — его «персоналия», призванная показать соответствие жизни христианина духовной заповеди. В таком виде сам этот жанр стал типичным именно для лютеранской традиции. Надгробные проповеди встречались и в реформатских, и в католических землях, но массовым явлением сделались только во владениях последователей Лютера. В XVII в. наблюдался своеобразный апофеоз жанра: до нас дошло несколько десятков тысяч подобных произведений, представляющих весьма ценный материал для всевозможных изысканий¹¹.

Но печаталась не только проповедь. Её своеобразной альтернативой или дополнением были траурные речи, получившие распространение в период позднего Ренессанса и насыщенные обильными реминисценциями в подражание античным авторам. Они пользовались популярностью в разных регионах Европы, расколотых Реформацией, а в XVII в. оказались предметом оживлённых теоретических дискуссий¹².

Вскоре стали издаваться и тексты особого рода — протоколы погребений владетельных персон, чаще всего именуемые «Порядок» или «Процессия». Это были разрешённые к публикации документы придворного ведомства, как правило, анонимные, писавшиеся секретарями надворной канцелярии или Тайного совета и проходившие редактуру в ведомстве гофмаршала (или гофмейстера), обязанного регулировать подобные мероприятия.

С середины реформационного века появляются изображения самой погребальной процессии. Согласимся с мнением большинства исследователей, что тон здесь задавала траурная традиция у Габсбургов, отмеченная невиданными торжествами в 1558 и 1559 гг. по случаю проводов в последний путь императора

---

¹⁰ Отсутствие на этом этапе чёткой структуры демонстрировало своеобразную смешанную форму гомилетики и тематической проповеди. Целью, как и во всех проповедях Лютера, были похвала Всевышнему и казуальная возможность дидактики. См. об этом: *Winkler E.* Die Leichenpredigt im deutschen Luthertum bis Spener. München, 1967. S. 27–31.

¹¹ История жанра надгробной проповеди сегодня основательно изучена. См., например: *Winkler E.* Op. cit. S. 42; *Lenz R.* De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle. Sigmaringen, 1990; *Lenz R.* Leichenpredigt // Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. von G. Müller. N.Y.; Berlin, 1990. S. 697–699; *Leichenpredigten als Quelle historischer Wissenschaften* / Hrsg. von R. Lenz, E.-M. Dickhaut. Bd. 1–5. Stuttgart, 1975–1984; *Studien zur deutschsprachigen Leichenpredigt der frühen Neuzeit* / Hrsg. von R. Lenz. Köln, 1981.

¹² См. об этом: *Eybl F.M.* Leichenrede // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hrsg. von G. Ueding. Bd. 5. Tübingen, 2001. S. 145–151 (здесь же указана литература по данному вопросу).

Карла V. Изображения состоявшегося в декабре 1559 г. шествия в Брюсселе во множестве копировались и стали известны при всех ведущих дворах Европы. С оглядкой на неё, видимо, организовывали свои траурные торжества и протестантские властители. У дрезденских курфюрстов, например, хранились копии иллюстраций, а сами они были очевидцами подобных церемониалов. Начиная с кончины курфюрста Августа при саксонском дворе практиковались изображения погребальных процессий со скрупулёзно прописанными деталями, которые имели форму огромной ленты, достигавшей нескольких метров в длину, и оттого назывались «роллами»¹³.

Едва ли, впрочем, здесь можно говорить об особом, именно католическом влиянии. Речь, скорее, идёт о сословном стандарте, желании не отставать от моды, которая сама по себе конфессионально нейтральна. К тому же ещё раз отмечу, что звенья самого церемониала восходили к позднесредневековой общегерманской практике и не были конфессионально маркированы. В любом случае с конца XVI в. наблюдается сосуществование трёх изобразительных и печатных форм, отражавших погребальную обрядность.

В XVII в. наступило своего рода пространственное сближение жанров: появились первые издания, содержавшие и проповеди, и описание процессии, и даже, хотя пока весьма скромные по объёму и качеству, иллюстрации – в основном портреты усопших и изображения погребального шествия. Часто к ним прилагались и всевозможные траурные элегии в стихах и прозе, своего рода вариации траурных речей. Подобная эволюция хорошо иллюстрируется, например, традициями саксонских и вюртембергских протестантских дворов: от небольших, изданных в октаву, надгробных проповедей и речей второй половины XVI в. до впечатляющих фолиантов середины следующего столетия. Так, при погребении Иоганна Георга I в 1656 г. впервые встречаются собранный в одном переплёте цикл надгробных проповедей, описание траурного шествия и детальные изображения гроба и «печальной залы» во Фрайбергской усыпальнице¹⁴. Не отставал от Дрездена

---

¹³ Репродукцию изображения процессии 29 декабря 1559 г. в Брюсселе см.: Праздник – любимая игрушка государей... С. 52–73. Описание на русском языке было опубликовано в: Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856. С. 9–14. Саксонское подражание габсбургской версии в подобном изображении см.: *Bäumel J.* Das Trauerzeremoniell für den Kurfürsten August I 1586 in Dresden und Freiberg // *Dresdner Kunstblätter.* 1987. Bd. 6. S. 166. См. также: *Stanislaw-Kemenah A.-K.* «Zur Dienstwartung bei der Churfürstlich Sächsischen Begengnus zukomen». Repräsentation fürstlicher Macht in den Begräbnissen Herzog Albrechts (1501) und Kurfürst Augusts (1586) von Sachsen // *Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof.* München; Berlin, 2005. S. 72–96. «Решающим здесь было не принятие католической иконографии, а её функциональный смысл: изображение курфюрста рядом с имперским властителем. Это создавало разумный баланс между имперской верностью, с одной стороны, и утверждением новой конфессии – с другой» (*Stanislaw-Kemenah A.-K.* Op. cit. S. 89).

¹⁴ Описание погребения курфюрста Иоганна Георга I см.: *Gründliche Beschreibung Derer / Dem weiland Durchleuchtigsten... Herrn Johann Georgen dem Ersten / Herzogen zu Sachsen... und Churfürsten... Zu Dreßden / am 2. und 3: Zu Freyberg aber am 4. Februarii 1657. zu... immerwehrendem Andänken... gehaltener Drey unterschiedener Churfürstlicher Leichbegängnisse / Dreßden, 1657* (экземпляр РНБ). См. также надгробные проповеди: *Chur-Sächsische Ehren-Trauer-Crone / Das ist Drey Christliche Klag- und Trost-Predigten: Meinen Jesum laß ich nicht: Glaubens hoher Cederbaum / und Göldner Grund / so alle schwere schwartze Noth- und Todt-Balcken erträgt / aus dem 7. Cap. Mich. [...] / Zu Dreßden in der Schloß- wie auch Creutz-Kirchen / dem 16. Oct. An. 1656. und 2. Febr. An. 1657. und denn dem 4. Febr. zu Freyberg in der Dom-Kirchen gehalten von Jacob Wellern D. Chur-Fürstl.*

и Берлин: погребение великого курфюрста Фридриха Вильгельма в 1688 г. ознаменовалось funerальными изданиями невиданных размеров¹⁵.

В начале XVIII в. тексты щедро украшались иллюстрациями, а изображение *castrum doloris* занимало самостоятельную часть и даже выпускалось отдельным изданием, как, например, при погребении первого короля Пруссии Фридриха в 1713 г.¹⁶ Таким образом, традиция европейской мемории описала своеобразную спираль: от отдельных сюжетов в рисованном или рукописном формате к соединению в общем переплёте, затем к новому разделению, но теперь уже за счёт мощной подачи отдельных частей.

Между тем в 1725 г. были опубликованы лишь «Описание порядка...» погребения императора и его дочери Наталии, а также три произведения Феофана (Прокоповича): «Слово на погребение...» (далее — «Слово...»), «Слово на похвалу...», приуроченное ко дню именин Петра, и знаменитая «Краткая повесть...»¹⁷. Изображения же «печальной залы» в Зимнем дворце и погребального шествия в виде «роллы» почти десятиметровой длины остались неизданными. Налицо явная раздробленность мемориального блока, старомодная и непривычная для Европы того времени. Мы не знаем точных причин, почему в итоге печатный отчёт об этом выдающемся событии оказался столь скромным. Но, исходя из данных о подготовке самой погребальной процессии, всех работах, которые курировал Брюс, напрашиваются два варианта ответа: отсутствие необходимых средств и невероятная спешка, осложнённая к тому же кончиной царской дочери¹⁸. Объяснение можно отыскать и в совершенной безучастности вдовы. Кроме призывов к Брюсу как можно скорей провести погребение, нам не известны требования с её стороны или желание обсуждать детали, хотя вмешательство высшей власти

Sächsischen Ober-Hoff-Predigern... Dreßden, 1657 (экземпляр Библиотеки Российской академии наук; далее — БАН). Общий переплёт не исключал первоначальной публикации входящих в него произведений отдельными изданиями. Ср., например, вюртембергский образец с описанием погребения Барбары Сибиллы и Анны Катарины — матери и первой супруги герцога Эбергарда III в 1655 г.: *Christliche Leichpredigt bei der fürstlichen Bestattung... Anna Katharina*. Stuttgart, 1655 (экземпляр Главного государственного архива Штутгарта: *Hauptstaatsarchiv Stuttgart*. J. 67. Bū. 5a). Объединение текстов, относящихся сразу к двум княгиням, в одной книге служило, в том числе и династической легитимации в условиях собственно вюртембергской конъюнктуры. Вначале следовали сами проповеди, затем — описание процессии.

¹⁵ *Leich-Prozession des Durchlauchtigsten Herren... Friedrich Wilhelms... Küln an der Spree*, о. J. (экземпляр БАН); *Beschreibung der Magnificen Prozeßion bey höchst ansehnlichem Leich-Begängniß Friedrich Wilhelms des Großen* 12. Sept. 1688. Leipzig, о. J. (экземпляр БАН).

¹⁶ Прокоповев А.Ю. Погребение Петра Великого... С. 111, прим. 41.

¹⁷ См.: Описание порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечнодостоинейшей памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженной памяти ее императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. В данной статье использовано аналогичное издание, опубликованное в Москве в 1726 г. (экземпляр БАН); *Феофан (Прокопович)*. Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца отечества, проповеданное в царствующем Санкт-Петербурге, в церкви Святых Первоверховных апостол Петра и Павла, святейшего правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским, 1725, марта 8 дне. СПб., 1725 (URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5932>; дата обращения: 21.01.2017); *Феофан (Прокопович)*. Слово на похвалу блаженной вечнодостоинейшей памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского... в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санкт-Петербурге, в церкви Живоначальной Троицы, святейшего правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и новгородским. СПб., 1725 (экземпляр БАН); *Феофан (Прокопович)*. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора российского. СПб., 1819.

¹⁸ См. об этом: Прокоповев А.Ю. Погребение Петра Великого... С. 103, 106.

в ход подобных работ всегда считалось нормой при европейских дворах, и здесь не было бы ничего предосудительного¹⁹. Косвенно это указывало на отсутствие опыта и соответствующих познаний в столь тонкой материи у самой императрицы.

Брюс знал лишь о немногих образцах собственно российской традиции, на которые теоретически он мог бы опереться, как, например, предание земле праха любимца Петра адмирала Ф.И. Головина в феврале 1707 г.²⁰ В то же время, очевидно, что погребение первого императора требовало совершенно иных усилий. Печатные траурные речи на кончину придворных вообще не появлялись в царствование Петра до его собственной смерти, хотя, казалось бы, поводов имелось немало – от проводов царского сподвижника Гордона (1699) до похорон Прасковьи Фёдоровны (1723). Иными словами, Брюс и члены комиссии были предоставлены сами себе. Но наиболее тяжёлой ношей лёг на них, как представляется, поиск денег: тот вариант организации процессии и траурного убранства, который в итоге приняли, был, очевидно, самым затратным. По окончании торжеств стало ясно: выделить что-либо на публикацию пышной похоронной процессии едва ли возможно. Впрочем, не исключено, что её просто отложили на будущее, которое наступило в весьма своеобразной форме спустя 100 лет – в 1831 г.: тогда под одной обложкой были изданы и «Краткая повесть...» Феофана (Прокоповича), и официальный протокол.

Теперь обратимся к самим текстам. Начнём с «Описания порядка...» чина погребения, которое насчитывало 34 страницы, в 1725 г. вышло в Сенатской типографии, а спустя год было переиздано в Москве. Иллюстративный материал выглядел здесь весьма скромно и состоял из тривиальных мотивов эпохи барокко: погребальная символика на титуле славилась вечный триумф и сокрушённую брэнность, на последнем листе изображался катафалк под балдахинном. Автор указан не был. Иногда это сочинение приписывают Феофану (Прокоповичу), очевидно, по аналогии со «Словом...» и «Краткой повестью...». Сам же архиепископ Новгородский в «Краткой повести...» отрицал свою причастность к созданию протокола²¹. Но даже если он всё же вмешивался в процесс написания, окончательный текст должен был пройти редактуру Брюса, как обер-маршала Погребальной комиссии. Именно его следует сделать ответственным не только за содержание, но и за создание текста. В обычной практике европейских дворов подобное описание могло быть безымянным, ибо в его основе лежал протокол, подготовленный службой придворных штатов, т.е. внутренний документ придворных структур. Если же указывались авторы, то это, как правило, были секретари надворной или тайной канцелярии. В любом случае «Описание порядка...» 1725 г. носило строго официальный характер.

Первое, что бросается в глаза при обращении к этому произведению, – почти полная калька названия аналогичных немецких сочинений. Тождество обнаруживается и непосредственно в самом тексте, включая грамматические конструкции и строение фраз, конечно, с поправкой на особенности русского языка начала XVIII в. «Переводом с немецкого» звучали и атрибуты траурных

¹⁹ Намёки на беспокойство императрицы о сроках см.: Дипломатическая переписка французского полномочного при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при османской Порте маркизом де Бонаком с 1723 по март 1725 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 58. СПб., 1887. С. 36–54.

²⁰ Прежде всего подразумевается роскошная гравюра, изданная по случаю погребения. О процессии 1707 г. см.: *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII). Т. III. М., 1996. С. 584.

²¹ См.: *Феофан (Прокопович)*. Краткая повесть... С. 39.

торжеств — «знамя радости» («Freuden-Fahne»), «лошадь радости» («Freuden-Pferd»), «знамя печали», «балдахин» или «небо», «штанги» и т.д. Характерный штрих: немецкоязычные авторы и тогда, и позже описывавшие церемониал 1725 г., без труда осуществляли обратный перевод²².

Столь же безукоризненно скопированы привычные для протестантской Германии темы. «Описание порядка...» открывается не рассказом о последних часах жизни, о чём позже писал Прокопович, а повествованием о дне кончины с последовательным переходом к изображению первых приготовлений, парадного ложа, «печальной залы», погребальной процессии и заключительного действия в недостроенном соборе Петропавловской крепости. Причём именно калькирование терминов недвусмысленно указывает на протестантскую традицию: траурное убранство всюду величается «печальной залой» («castrum doloris») в полном соответствии с обычаем немецких протестантских дворов, прежде всего Дрездена и Берлина. В католической Европе к началу XVIII в. в ходу было чаще иное наименование — «catafalco», объединявшее всю совокупность траурного убранства, включая экспозицию гроба и траурную архитектуру резиденции и усыпальницы.

Переходя к «Слову...» Феофана (Прокоповича), предварительно стоит указать на давний спор российских и зарубежных исследователей — о конфессиональной призрачности автора²³. И речь в данном случае не идёт о специфике его ораторской прозы как таковой. Подразумевается лишь один текст, который, по замыслу в том числе и Брюса, должен был стать, исходя из содержания, логической концовкой церемонии. О преднамеренности такой локации «Слова...» свидетельствует и «Описание порядка...», где оно упомянуто с указанием на «особливое выделение в печать»²⁴. Тот факт, что «Слово...» прозвучало именно

²² Ср.: *Rabiner J. Leben Petri des Erstens und Großen, Zhars von Rußland. Leipzig, 1725. S. 780–787; [Weber Fr.] Das veränderte Rußland. Th. 2. Hannover, 1739. S. 203–213.*

²³ Со времён Ю.Ф. Самарина и Ф.А. Тихомирова протестантские эманации в творчестве Прокоповича стали предметом научной дискуссии, восходящей ещё к «партийным» предпочтениям XVIII в. Однако немецкие коллеги, оставляя за скобками «взгляд из России», стремились «дешифровать» творчество Прокоповича, исходя из особенностей духовного климата протестантской Германии периода кризиса ортодоксии и начала пиетизма. Блестящее исследование Г. Коха стало первым крупным опытом в этом направлении (см.: *Koch H. Die russische Orthodoxie im Petrinischen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslawische Denken. Breslau, 1929*). Представители послевоенной отечественной традиции, пронизанной духом национальной идентичности, стремились отыскать в творчестве Прокоповича исключительную оригинальность, затухавшая протестантские импульсы. В результате косвенно стимулировалась концепция «петровского барокко» и специфического «раннего Просвещения» подчас в нарочитом противопоставлении европейско-протестантскому вектору. Восточно-немецкие коллеги очень хорошо почувствовали дух перемен, завуалировав протестантские ориентиры архиепископа Новгородского, и весьма расплывчато указывали на мотивы «раннего Просвещения» (см., например: *Tetzner J. Theophan Prokopowitsch und die russische Frühaufklärung // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd. 3. S. 351–368; Winter E. Frühaufklärung: Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel- und Osteuropa und die deutsch-slawische Begegnung: Zum 200. Todestag von G.W. Leibniz im November 1966. Berlin, 1966; Lehmann U. Theophan Prokopowitsch // Geschichte der russischen Literatur: von den Anfängen bis 1917 / Hrsg. von H. Grasshof. Bd. 1. Berlin; Weimar, 1986*). Быть может, более последовательным оказался подход историков из ФРГ, когда, например, Р. Штупперих анализировал отдельные этапы творчества Прокоповича с точки зрения влияния как Рима, так и протестантских центров. См.: *Stupperich R. Peter der Große und die russische Kirche. Ausgewählte Aufsätze II / Hrsg. von H. Kluebing et al. München, 2004*. Общий обзор историографии с акцентом на историко-филологическую перспективу см.: *Буранок О.М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII в. М., 2014*.

²⁴ Описание порядка... С. 31.

в конце, а позже было сопровождено «Краткой повестью...», не могло удивить тех, кто был знаком именно с протестантской традицией погребения. По своему жанру оно соответствует принятой при лютеранских, равно как и реформатских дворах империи «Прощальной речи», конечному поминальному слову о почившем, т.е. тому, что в немецкой ортодоксально-лютеранской версии должно было звучать как «Abdankung».

Такая позиция «Слова...» в церемониале прозрачно указывала на архетип: перед ним должна была помещаться собственно надгробная проповедь, которая не могла быть читана по причине православного вероисповедания покойного императора. Именно надгробная проповедь повсюду в протестантской Европе венчала траурные торжества в строгом соответствии с наставлениями Лютера: слово суть вестник Евангелия, зеркало добродетелей и жизненного пути. Здесь же мы видим лишь прощальное «Слово...». Разумеется, традиция прощальных или поминальных речей к тому времени давно уже обрела самостоятельную жанровую форму, но именно в лютеранской версии она пространственно и во времени тесно привязывалась к церемонии последних проводов. Не случайно немецкоязычные свидетельства 1725 г. дружно определяют жанр текста как «Leichenrede» — для них это было азбукой²⁵.

Прокопович не был свободен в выборе объёма и содержания своего произведения. Это очевидно всякому, кто знаком с лютеранскими текстами эпохи зрелого барокко, которые, ко всему прочему, написаны с изрядной долей пиетистской чувственности. Краткость текста определялась жанровым канонem и конкретными условиями мартовского погребения. Уже с середины XVII в. знатоки литературы высказывали мысль о необходимости сокращения громоздких прощальных речей, слушать которые приходилось несколько часов подряд. Опыт подсказывал, что долгая велеречивость лишь вредила вниманию и доводила до малоприятных сцен. К началу XVIII в. краткость прощального слова давно уже стала нормой, чему немало способствовала острая полемика по целому ряду литературных аспектов погребальной проповеди между ортодоксами и пиетистами в лютеранской Германии²⁶. Но было и объективное объяснение: даже если владыка Феофан хотел развернуть масштабную панораму величия покойного, время и условия не позволяли ему этого сделать. Брюс, надзиравший за всей работой, возможно, сам подсказал главе Синода мысль укоротить некий более внушительный вариант, если таковой имелся. Читать пространственный текст в непогоду, под мокрым снегом в тот печальный день просто не представлялось возможным: в течение двух часов участники процессии должны были находиться на открытом воздухе — совершить трудный путь от Почтового подворья в Петропавловскую крепость, а затем ещё и внимать наставлению преосвященного. Объяснения самого Прокоповича рассеивают наши сомнения на этот счёт, хотя он и умалчивает о другом — виртуозном мастерстве в подражании жанру, требовавшему краткости²⁷.

Лаконизм «Слова...» всецело соответствовал эпическому пафосу позднего барокко. Не случайно немецким авторам (например, Ф. Веберу) так легко давалось переложение этого текста на родной язык: Прокопович действительно подражал лучшим образцам. Вопрос, каким? Сам жанр выглядел профессионально нейтральным — как форма надгробной речи он возник ещё до Реформации. Не исключено,

²⁵ См.: *Rabiner J.* Op. cit. S. 786; [*Weber Fr.*] Op. cit. S. 211.

²⁶ Подробнее о жанровых особенностях погребальных проповедей см.: *Fürstenwald M.* Zur Theorie und Funktion der Barockabdankung // *Leichenpredigten als Quelle historischer Wissenschaften / Hrsg. von R. Lenz.* Bd.1. Köln; Wien, 1975. S. 372–389.

²⁷ *Феофан (Прокопович).* Краткая повесть... С. 38.

что Прокопович был знаком с какими-либо из многочисленных сочинений памяти почивших императоров Леопольда I и Иосифа I, появившихся в землях Габсбургов соответственно в 1705 и 1711 гг. Протестантская публицистика также изобиловала яркими образцами надгробных речей на кончину в 1688 г. великого курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма I, а в 1713 г. — на смерть его сына, первого короля Пруссии Фридриха I. Множество панегириков было создано в Саксонии на смерть курфюрстов — трёх Иоганнов Георгов — в 1656, 1680 и 1691 гг.

Сопоставим произведения Прокоповича с образцами этого жанра в католической (на смерть Леопольда I в 1705 г.) и протестантской среде (проповедь пастора Христиана Кохия на кончину Фридриха Вильгельма Бранденбургского в 1688 г.). Посмотрим на проблематику «Слова...» архиепископа Новгородского. В ней без труда «считывается» смысл уже состоявшейся процессии: перед нами три главные темы — скорбь по умершему, похвала ему и утешение подданных. Тем самым охвачены все три символические функции погребального шествия. Слушателям словно ещё раз вкратце поясняются цели печального действия. И здесь «Слово...» гармонично продолжает и заканчивает всю церемонию.

Первая тема представлена одним выразительным абзацем, вторая занимает центральное место по объёму, третья ограничивается несколькими строками. Такая структура текста выглядит, на первый взгляд, лишённой конфессиональной привязки: задача восхваления и утешения, как уже отмечалось, изначально содержалась в надгробных проповедях протестантов и перекочевала оттуда в жанр надгробных речей. Сами же надгробные речи в их ренессансной форме призваны были скорее показывать заслуги умершего и имели отчётливый антропоцентричный характер. Но дидактика смерти была воспринята аналогичным жанром и при католических дворах. Наиболее выразительный пример современной Прокоповичу эпохи — «Портрет императора» иезуита Матфея Пехера, изданный на кончину Леопольда I в 1705 г.²⁸ Автор не только артикулировал все три функции, но и использовал во вступительной части такую фигуру речи, как череда риторических вопросов. Как и Прокопович в «Слове...», Пехер вопрошает свою аудиторию о предмете утраты²⁹.

То, что сама форма, особенно в начале чтения, была весьма выигрышна с эмоциональной точки зрения, признавали уже современники: в Петербурге, услышав первые слова архиепископа Новгородского, публика залилась слезами³⁰. Впрочем, это объяснялось не столько силой риторического воздействия, сколько последовательностью церемонии. Речь звучала после поминальной службы (у католиков) или надгробной проповеди (у протестантов). И то и другое занимало несколько часов, и присутствующие явно нуждались в сильном эмоциональном импульсе. Однако вряд ли можно заподозрить Прокоповича в калькировании иезуита. У Пехера риторические вопросы рассредоточены по нескольким абзацам, к тому же объём его произведения несоизмерим со «Словом...»³¹. Характер этих вопросов обычен для большинства подобных текстов: вопрошание о персоне, причинах скорби и достоинствах умершего монарха. Таким образом, риторические вопросы Прокоповича, по сути, соответствуют традиции, но умещаются в первом же абзаце.

²⁸ *Pecher M. Imago Caesaris. Kayserliche Tugend-Bildnuß in Leopoldo I. Weyland... Röm. Kayser... Innsbruck, 1705* (экземпляр Австрийской национальной библиотеки, Вена; далее — ÖNB; URL: <http://data.onb.ac.at/ABO/%2BZ183461905>; дата обращения: 20.01.2017).

²⁹ *Ibid.* A2.

³⁰ Описание порядка... С. 31.

³¹ Произведение Пехера насчитывает 35 страниц.

Разумеется, в сочинениях, посвящённых покойным Габсбургам, тому же Леопольду I, случаи употребления такого приёма не были единичными. И именно в них можно было бы не без оснований увидеть рецепцию «Портрета императора», так как здесь дублируются сами вопросы, с которыми обращался к траурному собранию венский иезуит³². Прокопович же краток, и это исключает возможность заимствования. Более очевидной оригинальностью отмечена в «Слове...» апокалиптическая дидактика. Эта тема возникает сразу же за чередой риторических вопросов. Прокопович восклицает: «Довольно же видим, коль прогневали мы Тебе, о Боже наш! И коль раздражили долготерпение Твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего слеп есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердии своем окаменен есть». Причина смерти преобразователя – гнев Всевышнего, объект его гнева – подданные императора, недостойные Божьей милости и милости короны, полные безмерного греха. И гнев этот обещает недоброе будущее, ибо кончилось долготерпение Всевышнего.

Трудно найти подобные мотивы у барочных панегиристов при имперском дворе в Вене. У Пехера за вереницей риторических вопросов следует исполненная драматизма картина вселенской скорби: небеса изливают потоки слёз вместе с подданными, перечень природных катаклизмов должен убедить слушателей в неслыханных размерах бедствия. Автор устрашён видимой победой смерти, она выводится на сцену как самостоятельный персонаж³³. Но блеск ушедшего величия всё же торжествует и вселяет надежду на будущее. Мы не найдём ни у Пехера, ни у его современников указания на гнев небес и вину подданных в печальном событии.

Несомненно, речь шла о весьма деликатной теме. Кончина государя на деле сопровождалась бесчисленными покаянными требами и в Вене, и в наследственных землях. История болезни и смерти Леопольда I, подробно изложенная в тогда же изданной особой «Реляции» и кратко повторённая во множестве траурных сочинений, содержит прямые указания на совершение этих треб. Нет смысла останавливаться на апокалиптическом догмате в тридентском католицизме – он, как и прежде, занимал важное место, без коего немислима сама миссия Церкви. Для барочного и придворного католицизма триумф был апогеем в оценке добродетелей власти. Истинно католический государь – тот, правление которого являет триумф. Он словно вплетён во все стороны жизни монарха и на исходе дней должен венчать его корону. Под триумфом следует понимать абсолютное соответствие обязанностей и деяний властителя. Сомнение в этом означало бы не только нарушение этических принципов, но и прямое оскорбление величества. Вместе с тем триумф покойного императора обещает успех будущему правителю, мотив преемственности власти проступает в подобного рода рассуждениях самым ярким образом. Барочный католицизм Габсбургов выражал общие воззрения монархических дворов, оставшихся верными Риму. Невозможно сомневаться в счастливом будущем правления, потому что минувшее было венцом всех ожиданий. Отсюда проистекал ещё один принципиально важный тезис, известный со времён позднего Средневековья, но с особой отчётливостью актуализированный в фунералиях и государевых

---

³² См., например: *Reiffenstuel I. Wunder-voller Adlers-Flug Zur Göttlichen Sonne in Himmel, Das ist Glor-würdigste Lob-Ehren- und Groß-Thaten Weylands Leopoldi Diß Nahmens des Ersten... Römischen Kayzers. Wienn, 1705* (экземпляр ÖNB; URL: <http://data.onb.ac.at/ABO/%2BZ183461802>; дата обращения: 20.01.2017); *Fizing R. Justus dolor et justa querela Oder der Billiche Schmerz Und die Billiche Klag... Ob dem fruhe-zeitigen Hintritt Leopoldi Deß Grossen Römischen Kayzers... Seeligsten Angedenckens In einer kurtzen Traur-Red... vorgestellt. Wien, 1705* (экземпляр ÖNB; URL: <http://data.onb.ac.at/ABO/%2BZ181867906>; дата обращения: 20.01.2017).

³³ *Pecher M. Op. cit. Bii.*

зерцалах Раннего Нового времени: покойный монарх есть собрание всех добродетелей предшественников.

Именно в этом пункте «Слово...» Прокоповича начинает решительно расходиться с католическими архетипами, если допустить, что таковые имеются. У архиепископа Новгородского нет упоминаний предшественников — царей московских. В центре внимания только сам Пётр. К тому же апокалиптические мотивы явно доминируют. Поэтому протестантские параллели представляются здесь более оправданными, нежели католические.

Апокалиптика всегда занимала центральное место в лютеранском благочестии, и во второй половине XVI в. мы сталкиваемся с настоящим потоком дидактических рассуждений о конце времён. Не менее стремительно она заполнила и фунералии протестантских государей. Сто лет спустя картина, несомненно, видоизменилась: идея абсолютного торжества власти стала типичной и для риторики лютеранского духовенства. Но сами помыслы о грандиозной развязке и её знаках никуда не исчезли: апокалиптика по-прежнему ощущалась в персоналиях покойных и траурных изданиях. Так, в 1656 г. надворный духовник Якоб Веллер, один из самых ярких проповедников конца Тридцатилетней войны, с глубокой скорбью вещал о будущих бедах над гробом саксонского курфюрста Иоганна Георга I. Смерть государя — недобрый знак, особенно для его подданных. Это признак их великого греха и никчёмности³⁴.

Конечно, мысль о каре за грехи вроде бы верных слуг грозила войти в конфликт с идеей величия власти: добродетельный монарх обязан неустанно блюсти добродетель подданных. Поэтому уже с конца XVII в. исчезает предчувствие грядущих губительных времён и поминаются лишь тяжёлые нынешние, спасение в которых — достойный преемник. Апокалиптика словно бы примиряется с триумфом. Её звучание смягчается, становится ближе католической версии, но не исчезает — обретает краткость и перестаёт занимать одно из центральных мест в композиции³⁵. Собственно ставшей традиционной краткой форме и соответствовал отмеченный пассаж в «Слове...», но Прокопович вынес его вперёд и драматизировал, сгустив краски.

Далее, в центральной части, следует переход к описанию добродетелей покойного. Словесный «мостик» безукоризненно лаконичен и ёмок: «Но что нам умножать жалобы и сердоболия, которые утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже если великие его таланты, действия и дела воспомянем, еще вяще утратю толикого добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину

³⁴ См.: *Weller J.* Chur-Sächsische Ehren-Trauer-Crone / Das ist Drey Christliche Klag- und Trost-Predigten: Meinen Jesum laß ich gicht: Glaubens hoher Cederbaum / und Göldner Grund / so alle schwere schwartz Noth- und Tod-Balcken erträgt / aus dem 7. Cap. Mich. v. 7. Gen. 32. v. 26. Rom. 14. 8. Über den... Hochbetrübtten Abschied / des... Herrn Johann Georgen des Ersten / Hertzogen zu Sachsen / Jülich Cleve und Berg / des Heil. Röm. Reichs Ertz-Marschalln / und Chur-Fürsten... / Zu Dreßden in der Schloß- wie auch Creutz-Kirchen / dem 16. Oct. An. 1656. und 2. Febr. An. 1657. und den dem 4. Febr. zu Freyberg in der Dom-Kirchen gehalten. Dresden, 1657. S. 3–12 (URL: <http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/pageview/8814994>; дата обращения: 20.01.2017). Подробнее об эволюции апокалиптических мотивов у лютеранских авторов XVII в. см.: *Прокопов А. Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 58–97.

³⁵ Например, в проповеди на смерть Иоганна Георга III Саксонского в 1691 г.: *Praetorius P.* Jehova Vexillum Meum. Oder Das Chur-Sächsische Gottes-Panier: unter welchem Der... Johann George der Dritte / Hertzog zu Sachsen / Jülich / Cleve und Berg... Höchstseligster Gedächtnüß / alß der Tapffere / Freudige und Großmüthige / Ritterlich gekrieget und Seliglich gesieget / wurde Bey Dero Churfürstl. Leich-Begängnüß / So auf... Johann George des Vierdten... Anordnung In der Churfürstl. Sächsischen Haupt-Stad des Marggraffthumbs Ober-Lausitz / Budißin / am 21. Decembris... 1691. Bautzen, 1691. S. 23 (URL: <http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/titleinfo/171950>; дата обращения: 20.01.2017).

толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно». Бессмысленность пустого оплакивания порицается, ибо граничит с оскорблением ушедшего величая. Здесь Прокопович лишь формулирует основную идею, запечатлённую в символике траура — неизменность добродетели власти в виде конной «эффигии» «радости» в процессии и эмблематике «печальной залы». Безутешности нет места в лучах вечной славы. На первый план выступает мотив вечности, побеждающей бренность³⁶. И вновь трудно привязать этот пассаж к конкретной конфессиональной матрице: как литературный приём симуляция отказа от пространных излияний скорби к началу XVIII в. давно уже стала общим местом при протестантских и католических дворах. «К чему глубоко и бесплодно погружаться в бесполезные страдания?», — вопрошал траурную аудиторию иезуит Пехер в 1705 г.³⁷ «Печалются, печалются все, но не без надежды», — вторил ему протестант Кохий в 1688 г.³⁸ И оба торопились перейти к описанию достоинств почившего.

Как у Прокоповича, так и в современных ему панегириках этот «реестр добродетелей» занимает центральное место. Именно он выступает лакмусовой бумажкой приоритетов, продиктованных не только монархической этикой, но и конфессией. Тем более что первые официальные лица, обязанные готовить подобные тексты, принадлежали к духовному сословию. Справедливо предположить, что эта часть панегирических сочинений восходит к другому жанру — государевым зеркалам, чрезвычайно популярным в XVI—XVII вв.³⁹ Стоит ли пренебрегать столь важным источником, если большая часть его посвящена непосредственно описанию и трактовке государевых добродетелей? Р.А. Мюллер, исследовавший зеркала конфессиональной эпохи, отмечал расхождения в реестре достоинств католических и протестантских текстов, предопределённых догмой и политической этикой⁴⁰. Помимо ясно выраженной иерархии добродетелей, католическая традиция постоянно ставила на второе место, непосредственно после личного

---

³⁶ Традиция «эффигий» не имела ничего общего с барочным *vanitas vanitatum*. И символика траурной архитектуры, и само «Слово...» Прокоповича содержали ясно выраженный мотив триумфа над бренностью, т.е. над смертью, и никак не наоборот. Подробнее об этом см.: *Прокоповев А.Ю.* Погребение Петра Великого... С. 65.

³⁷ *Pecher M.* Op. cit. В1.

³⁸ *Cochius Chr.* Davids Des Königs in Israel Heilige Fürbereitung zum Tode / und kräftige Ansprach an seinen Sohn und Nachfolger Salomo: Betrachtet Bey dem höchstbetrübteten Todes-Fall / Des weyland Durchlauchtigsten... Herrn Friderich Wilhelmen Marggraffen zu Brandenburg / ...Churfürste. Cöln an der Spree, 1688 (экземпляр Берлинской государственной библиотеки прусского культурного наследия; URL: http://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN770301029&PHYSID=PHYS_0021; дата обращения: 21.01.2017). Подробный анализ его проповеди, главным образом с точки зрения барочного придворного церемониала, дан у Л. Брюггеманн (см.: *Brüggemann L.* Op. cit. S. 56). Христиан Кохий (1632—1699) родился в Рейнской обл., возглавлял духовную администрацию герцогства Юлих-Берг, входившего в состав бранденбургских владений, и с 1687 г. был последним старшим проповедником, призванным ко двору Фридриха Вильгельма. Кохий имел многочисленное потомство, служившее ещё при королях Пруссии в XVIII в. Как литератор и публицист, впрочем, он остался малоизвестен. Ср.: *Bahl P.* Der Hof des Grossen Kurfürsten. Studien zur höheren Amtsträgerschaft Brandenburg-Preussens. Berlin, 2001. S. 72.

³⁹ Предпринятая Б. Зингером и Г.-О. Мюльайзенем классификация произведений этого жанра включает духовные трактаты funerального характера. См.: *Singer B.* Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation: bibliographische Grundlagen und ausgewählte Interpretationen: Jakob Wimpfeling, Wolfgang Seidel, Johann Sturm, Urban Rieger. München, 1981; Fürstenspiegel der Frühen Neuzeit / Hrsg. von H.O. Mühleisen et al. Frankfurt a/M; Leipzig, 1997.

⁴⁰ *Müller R.A.* Der deutsche Fürstenspiegel des 17. Jahrhunderts // Historische Zeitschrift. Bd. 240. 1985. S. 571—598.

благочестия, отношение к Церкви. Государь несомненно заслужил милость Царя Небесного и всещедность Его, ибо прежде всего пёкся о том институте, который окормляет души. Начиная со знаменитого панегирика памяти Фердинанда II, написанного его духовником иезуитом В. Ламорменом и с момента своего первого издания (1637) ставшего одним из самых популярных на последующие почти 100 лет, авторы эпохи барокко в Мадриде и Вене торопились увековечить заслуги покойных императоров перед Церковью. Лишь достоинства веры и её зримого начала в брэнном мире — Церкви — прокладывали путь к достоинствам на мирской ниве. Протестантский угол зрения был иным: обязанности государя сродни обязанностям патриарха большой семьи. Личное благочестие непременно сказывается на благополучии подданных и вверенных ему земель. Если католики представляли добродетель в виде иерархии, увенчанной заботой о Церкви, то у протестантов она формировала круг большой семьи, в центре которого восседает государь-патриарх. И его отношения с миром этой семьи определялись, как радиусами, многочисленными обязанностями — перед собственной семьёй, роднёй, соседями, местными, имперскими сословиями и т.д.

Что мы видим в «Слове...» архиепископа Новгородского? Непосредственно за чередой горестных восклицаний в первой же фразе Прокопович оценивает итоги правления Петра: застав Россию и своих подданных немощными, император оставил её сильной. Суть же его правления раскрывается в перечислении важнейших свершений. На первом месте стоит военная добродетель как производная от добродетели защиты подданных, за ней следует добродетель военного триумфа в его материальном виде — присоединение бывших владений предков — и далее инструменты совершения указанных добродетелей — реформированные армия и флот. Заслуги на ниве кораблестроения Прокопович вообще выносит за пределы «военной темы», посвящая им отдельный пассаж. И только после достоинств военных касается прочих государственных преобразований: попечения о законе, науках и искусствах, гражданских учреждениях, после чего следует краткий обзор церковных начинаний.

Весьма знаменательно, что Прокопович говорит о синодальном попечении и пастырских заслугах императора исключительно в контексте его личного благочестия⁴¹. Причём при подведении итогов правления Петра Церковь не упоминается вовсе, говорится лишь о духовных исправлениях⁴². Зато появляется образ большой единой семьи подданных, бывших под защитой государя-отца. Здесь же звучит тема любви государя к подданным и подданных к стране: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет». Так прославление патриархальных добродетелей покойного императора достигает у Прокоповича своей высшей точки. Ничего не меняет здесь и итоговая фраза о трёх сферах реформаторской деятельности Петра — духовной, гражданской и военной. Они не дублируют заявленную ранее иерархию приоритетов.

---

⁴¹ Ср.: «Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликие ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вяшего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия и изряднейшего во всем исправления!» (Феофан (Прокопович). «Слово...»).

⁴² «Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления» (Там же).

Нас не должна удивлять библейская персонификация, сопровождающая каждую добродетель: Пётр предстаёт совокупностью достоинств ветхозаветных патриархов и в этом смысле зеркалом истинно христианского государя. В эпоху барокко лютеранские и католические богословы неизменно насыщали библейскими именами свои funerальные тексты. «Саксонским Давидом» величал курфюрста Иоганна Георга I его духовник Я. Веллер. Прощаясь с курфюрстом Бранденбургским, пастор Кохий избрал экзордиумом то место из Библии, где Давид, предчувствуя скорую кончину, даёт распоряжения о собственном погребении. Оно же стало источником названия самой проповеди: «Давида, Царя Израилева священное приуготовление ко смерти». Иезуит Пехер, подробно останавливаясь на теме благочестия императора Леопольда, также уподобляет его библейскому царю⁴³. Статистика частотности использования тех или иных библейских имён едва ли способна внести ясность в вопрос о концептуальных предпочтениях представителей разных христианских конфессий. Речь в лучшем случае может идти лишь об индивидуальных стилистических особенностях и персональном выборе каждого конкретного автора.

Но если сами ветхозаветные герои конфессионально нейтральны, то выстроенная предстоятелем Синода последовательность добродетелей позволяет выявить некоторые ориентиры. У Прокоповича нет заботы государя о Церкви именно как институте — он предпочитает говорить только о пасторских усилиях самого Петра и духовном исправлении. Император — не послушник обрядов, как Леопольд у Пехера, он сам наставник, средоточие священной миссии и духовный обновитель, подобный первосвященнику. И в этом смысле Пётр приравнивается к св. Константину и Давиду. Взгляд Пехера как католического богослова совершенно иной: забота о Церкви покойного императора Леопольда есть начало всех начал, главное проявление его веры; она представлена именно институционно — как основание новых и обновление старых храмов, общин, орденов и монастырей, щедрые милостыни духовенству, защита его интересов и личное благочестие⁴⁴.

Гораздо больше общего можно обнаружить между «Словом...» Прокоповича и проповедью Кохия. В персоналии Фридриха Вильгельма последний опускает все детали, касающиеся образования и наставничества своего патрона, и увлечённо повествует о начале его правления и добродетелях власти на ниве защиты отечества⁴⁵. Рассказ Кохия о войнах великого курфюрста местами напоминает подробные военные репортажи. Но как расставлены акценты! Как и у Прокоповича, экскурс предваряется описанием печального состояния Бранденбурга к моменту вступления курфюрста в права⁴⁶, кончина же государя застаёт Бранденбург в расцвете. Противопоставление безотрадного начала и счастливого конца правления подчёркивает индивидуальный подвиг властителя, благословлённый небом. Военные победы становятся главной добродетелью и инструментом счастливого преобразования. Как и у Прокоповича, забота о флоте и морские экспедиции изображены в качестве особой заслуги Гогенцоллерна. Наконец, пастор Кохий за 40 лет до архиепископа Новгородского связал дела духовные лишь с концовкой своего рассказа⁴⁷.

⁴³ *Pecher J.* Op. cit. Di.

⁴⁴ *Ibid.* D—Di.

⁴⁵ *Cochius Chr.* Op. cit. S. 106.

⁴⁶ *Ibid.* S. 108—109.

⁴⁷ *Ibid.* S. 143. Краткое указание на государево благочестие выступает у Кохия прологом к описанию кончины и сдвинуто в самый конец очерка о его жизненном пути.

Едва ли можно предположить, что текст Кохия лёг в основу «Слова...» — разница между ними и по объёму, и по жанру очевидна. Представляется бессмысленным искать какие-либо буквальные заимствования в этом произведении Прокоповича. Но мы видим схожие композицию и отдельные мотивы. Ещё раз подчеркну: очень много общего было в царствовании Петра и правлении Фридриха Вильгельма, и Брюс, конструируя погребальное шествие, вполне мог ориентироваться на церемониал 1688 г. При всей конфессиональной нейтральности остальных частей «Слова...», включая концовку, славившую наследницу престола в духе анимации добродетелей умершего императора (идея неизменного триумфа и бессмертной персоны монарха), собственно экспликация главного сюжета — добродетелей государя — явно тяготеет к протестантской традиции.

Что же касается «Краткой повести...» владыки Феофана, то помимо очевидной династической функции (легитимация прав Екатерины), она по содержанию дополняла и поясняла «Слово...». Сам жанр к тому времени уже давно вошёл в привычный обиход при дворах Европы. В виде «реляций», «известий», «кратких сообщений» подобные сочинения циркулировали в протестантских и католических землях. Вновь обратимся к анонимной «Реляции» на смерть Леопольда (Вена, 1705 г.; с рассказом о последних днях и погребении императора), текст которой состоит из двух частей: в первой сообщается об обстоятельствах кончины государя, во второй — об устройении его погребения. «Реляция» открывается кратким описанием болезни, начавшейся в конце апреля 1705 г., затем следует рассказ о религиозных требах «во избавление от хвори» и «за здравие императора», инициированных высшим духовенством и наследником престола. Далее речь идёт о приготовлениях к кончине: понимая безнадежность своего положения, император делает последние правительственные распоряжения, передаёт административные полномочия наследнику престола и сосредоточивается на делах личных и духовных. Общим фоном здесь выступают двор и надворное духовенство, а также семья государя. Наконец, завершающей темой становится описание самой кончины в присутствии двора и наследников⁴⁸.

Остановимся подробнее на первой части. Здесь очевидно повышенное внимание к Церкви и духовенству. Первый и второй разделы, где показана миссия Церкви, доминируют по объёму. Любые действия власти и умирающего так или иначе опосредованы клиром. В жалком виде рисуются потуги физического исцеления: лейб-медики организуют консилиум при начале болезни, но все упования — на публичные бдения⁴⁹. Позже лейб-медик Бозингер лишь щупает пульс, дабы удостовериться, что пациент ещё жив⁵⁰. Но клир во главе с членами Ордена Иисуса выступает инициатором любых действий. Более того, именно с их помощью осуществляется символический переход от одной темы текста к другой, когда духовник государя отец Менегатти заявляет о возможности опасного исхода болезни и начинаются последние приготовления⁵¹. Отец Мюллер и епископ Вены в смертный час утешают государя и непосредственно перед кончиной дают ему последнюю абсолюцию⁵².

---

⁴⁸ Relation von weyland Ihrer röm. kayserl. Majestät Leopold, dieses Nahmens des Ersten... Ableiben und hierauff angestellter prächtigster Leich-Begängnuß. Wienn, 1705 (экземпляр ÖNB, без пагинации; URL: <http://data.onb.ac.at/ABO/%2BZ184878502>; дата обращения: 21.01.2017).

⁴⁹ Ibid. Aa.

⁵⁰ Ibid. A3i.

⁵¹ Ibid. A3.

⁵² Ibid. A3ii.

Клир не только является наиболее деятельным участником драмы, но и определяет вектор движения самого двора. При этом он персонифицирован: действуют не только сословные чины, но прежде всего конкретные люди. В целом представленная картина соответствует типологии ритуала перехода согласно концепции А. ван Геннепа. Несомненно, функция «Реляции» выступает в двух ипостасях – показывает смерть императора как венец всех его прижизненных добродетелей, последнюю добродетель благочестивой кончины и раскрывает сущность бессмертной персоны власти: её отдельные институты неколебимы как при брэнной кончине монарха, так и при начале царствования наследника. При этом важна не точность, а правильность истолкования деталей, т.е. верность традиции. Католическая версия этой традиции заявлена в полной мере.

Прокопович радикально меняет угол зрения. Формально его текст включает те же темы, что и «Реляция» 1705 г. Те же две части – кончина и погребение Петра, и та же композиция – описание болезни, начало «прощания» как начало перехода, и, наконец, сама кончина. Однако акценты заметно смещены. Прокопович не просто описывает последние дни болезни государя: он подробно излагает её историю, снабжая текст многочисленными подробностями, и постоянно сгущает краски⁵³. Этот первый раздел – один из доминирующих в тексте. Вместе с тем по объёму его уравнивает не вторая часть, посвящённая, как и в «Реляции», приготовлению к кончине, а описание собственно смертного часа преобразователя. И ни в одной из этих частей клир не выступает на первых ролях: его поминают, но кратко и обезличенно. Столь же мало интересуется автор и перечень официальных духовных треб: мы не видим ни порядка, ни самих участников скорбных бдений из числа придворных, как это было в венской «Реляции». Более того, вплоть до 18-й страницы Прокопович не персонифицирует ни одно придворное лицо, ни одного представителя духовенства. Первое встречающееся имя – наследницы императрицы Екатерины⁵⁴, на следующей странице упомянут генерал-майор И.И. Дмитриев-Мамонов, направленный в Москву с вестью о кончине императора⁵⁵. Всюду чиновные образы, часто обозначенные лишь титулами, причём во множественном числе.

Конкретные лица нигде вроде бы не упоминаются, однако они есть. Прежде всего во всех разделах мы видим с каждым разом всё более рельефно выступающий портрет умирающего, его слова и жесты. Пётр – персона, доминирующая в первой части текста, где речь идёт только о нём и его болезни. Но здесь же появляется и другая – сам Спаситель. Пётр, исповедавшись, «тайные вечера Спасителя нашего причастился»⁵⁶. Так впервые Прокопович вводит в свою повесть Христа. Во втором разделе о Нём говорится дважды: в распоряжениях Петра ради «умиловования Господа» и при упоминании о причастии императора в начале болезни. При описании смерти в третьем разделе изображён исключительной эмоциональной силы диалог двух героев – умирающего и Спасителя. Чем ближе конец, тем ближе Христос. Последние минуты жизни монарха представлены Прокоповичем, как уже начавшаяся в ещё земной жизни молитвенная беседа царя земного и царя небесного: слабеющий Пётр совершает целую симфонию жестов, напрягает последние силы, дабы предстать перед Христом

⁵³ *Феофан (Прокопович)*. Краткая повесть... С. 2–5.

⁵⁴ Там же. С. 18.

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Там же. С. 5.

истинно верующим христианином. Внутренний драматизм и высокий эмоциональный строй текста подчёркиваются введением развёрнутого повествования о скорби двора и близких. Этот фрагмент отделяет личное, ещё словесное исповедание Петра Спасителю от исповедания жестами: вскинутые и протянутые руки, алчущие ещё и ещё св. Причастия⁵⁷.

По объёму и содержанию перед нами, безусловно, кульминация всего рассказа. Общение императора и Спасителя образует ясную линию: Пётр устремляется к Христу в начале повести, сквозь муки болезни видит в Нём свою конечную цель и обретает небесный триумф при воссоединении в минуту смерти. Христос ждёт и всё время дарует надежду: Он — основа этого движения. Не случайно Прокопович в начале второй части вновь упоминает причащение Петра: под ним автор понимает ожидание Христа и неизбежность встречи⁵⁸. В отличие от католической «Реляции», где связь сюжетов персонифицирована клиром, у Прокоповича её символизируют только Христос и умирающий.

В свете этого становится очевидной функция промежуточных, фоновых сюжетов. Государь уже исполнил тяжкий долг и добродетель правления в канун своей болезни, сам же недуг — последнее испытание на пути к Христу. Его детальное описание сродни описанию никчёмности бренной плоти. Одоление её через Христа — последний триумф императора. Скорбящий двор как производное от трагедии последней болезни — нечто необязательное в сравнении с конечной победой. Плач придворных лишь оттеняет то великое, к чему стремится умирающий Пётр.

Формально Прокопович не нарушил классическую композицию, представленную в «Реляции» 1705 г., и структура перехода включает те же составляющие. Но если в католической версии усопший торжествует исключительно благодаря клиру, открывающему дорогу к Христу, то в повести Прокоповича сам Христос и император идут навстречу друг другу. Таким образом, именно христоцентризм определяет её основную идею и композиционный строй. И в этом автор, несомненно, сближается с протестантским взглядом на драму христианской кончины.

Теперь попытаемся сопоставить «Краткую повесть...» с надгробной проповедью пастора Кохия. Рассказ о кончине курфюрста Фридриха Вильгельма занимает у него последние десять страниц персоналии⁵⁹. Нетрудно увидеть композиционные отличия этого текста от венской «Реляции» и повести Прокоповича. Кохий вообще не изображает ход болезни, а две последующие темы — приготовление к кончине и описание смертного часа — лишь кратко обозначает. Но эти различия носят, скорее, функциональный характер: в сочинении Кохия тема смерти лишь завершает рассказ о жизненном пути, а не является отправной точкой самостоятельного повествования, как это было в двух вышеназванных текстах. Иначе бы ему пришлось нарушить композицию самой персоналии или, по крайней мере, сильно её деформировать.

Тем не менее и в этом тексте можно обнаружить очевидные «переклички» с «Краткой повестью...». Прологом к описанию кончины курфюрста становится краткий очерк его благочестия с упоминанием попечения молельных домов

⁵⁷ Там же. С. 12–13.

⁵⁸ Ср.: «О исповеди и причащении Крови Господней уже выше от нас воспоминаю» (Там же. С. 9).

⁵⁹ *Cochius Chr. Op. cit.* S. 143–152.

и постоянной заботы о личном спасении через св. Причастие. Христос здесь также с самого начала ожидает курфюрста, а курфюрст стремится к нему⁶⁰. Следующая тема, с учётом уже отмеченной краткости описания последних минут, становится заключительной. Причём в ней несколько раз повторяются два мотива — последние хлопоты о власти и семье и общение духовное. В более развёрнутом виде такая схема представлена у Прокоповича: умирающий император также дважды общается с Христом, а между этими эпизодами располагается описание поведения двора и близких.

Кохий изображает пять сцен духовного общения Фридриха Вильгельма. Первая являет умирающего утешённым в спасении посредством крови Христовой и св. Писания⁶¹, вторая — убеждённым в свершении своего земного подвига и в повторном исповедании веры в очищающую кровь Спасителя⁶². Третья показывает государя исполненным истины в необходимости личного благочестия⁶³, четвёртая — в воскресный день в канун кончины, когда он изволил слушать проповедь и причаститься, а перед тем ночью в бреду повторял слова: «Христос мой, я — Его»⁶⁴, наконец, пятая — слова курфюрста в смертную минуту утром следующего дня: «Прииди, Господь! Я готов!» и «Верю, Спаситель мой жив!»⁶⁵. Тем самым легко выстраивается траектория — от ожидания Спасителя до встречи с ним через св. Причастие. Христоцентричность композиции очевидна. И вновь мы видим толпу обезличенных, безымянных придворных чинов. Их функция вполне очевидна: оттенять движение навстречу друг другу двух главных персон — курфюрста и Христа.

«Краткая повесть...» без труда накладывается на текст Кохия. При всех отличиях угол зрения и структура вполне схожи у обоих авторов — протестанта и православного иерарха.

В «Слове на похвалу...», написанном ко дню именин покойного Петра (29 июня), лишь акцентируется, подаётся в развёрнутом виде то, что уже прозвучало при его погребении. Причём, в отличие от «Краткой повести...», несомненно, в большей мере показан жизненный путь монарха, его «персоналия» представлена через трактацию добродетелей. Но так же, как и в «Краткой повести...», единение Петра с Христом выступает ключевой развязкой, его истинным триумфом, а св. Причастие вновь становится главным посредником и инструментом общения подобно тому, как сам император всегда поддерживал прилежание в исполнении этого таинства среди своих подданных. Вновь пред нами рыцарь Веры и Нового Завета⁶⁶.

Смысл двух последних произведений Прокоповича становится очевидным в контексте всего траурного церемониала 1725 г., особенно если предположить, что автор стремился проговорить недосказанное на мартовских похоронах. В сущности, мы имеем дело с краткой персоналией покойного, с тем, что обычно занимало срединное место в лютеранской надгробной проповеди.

Эти последние штрихи завершили цельную картину, весьма близкую протестантской модели: процессия, надгробная проповедь с персоналией в конце

⁶⁰ Ibid. S. 143.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. S. 147.

⁶³ Ibid. S. 149.

⁶⁴ Ibid. S.150.

⁶⁵ Ibid. S. 152.

⁶⁶ *Феофан (Прокопович). Слово на похвалу...*

и «Прощальное слово». «Краткая повесть...» и «Слово на похвалу...» стали, по сути, частями персоналии, давно привычными в Европе. Не оттого ли там столь быстро (уже в 1726 г.) распространился перевод «Краткой повести...» на немецкий и латынь?

Перед нами настоящий феномен «детства» фунеральной издательской традиции в России. Созидая пышный траурный спектакль 1725 г., Брюс не успел поставить в нём последнюю точку: выпустить в одном переплёте все три обязательных «продукта» придворных ведомств — протокол, иллюстрации и духовные речи. Петербургская модель оказалась словно бы рассыпанной на отдельные составляющие, и позже не обретшие единства, хотя, казалось, к этому были поводы, особенно в 1727 г. при повторном погребении Петра и его супруги. Но тем интересней видеть своеобразную реминисценцию давно минувшей «молодости» европейской фунеральной культуры, причём в её протестантской версии.

Ответственным за удивительный феномен 1725 г. мы всецело должны сделать Брюса — внука и сына протестанта, женатого на лютеранке. Нам не дано знать, о чём спорили обер-маршал Погребальной комиссии и владыка Феофан, склонившись над подготовительными бумагами. Но Брюс математически точно отвёл место в разработанном им печальном спектакле архиепископу Новгородскому. Потому истолковать значение его текстов возможно, лишь принимая во внимание их системную интеграцию в своеобразную протестантскую вариацию всей мартовской церемонии.